

18+

Василина Владимірова

ПРАВДА
АНТОВ

Книга 1: Пряслице
Макоши

Василина Владимировна

**Правда антов. Книга
1: Пряслице Макоши**

«Издательские решения»

Владимирова В.

Правда антов. Книга 1: Пряслице Макоши / В. Владимирова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-692518-2

В глухом лесу найдено Пряслице Макоши — ключ, способный менять время. Активировав его, археолог Андрей и этнограф Женя изменяют ткань реальности. Прошлое врывается в настоящее через зияющие порталы, а жители подмосковной деревни вспоминают себя... воинами легендарного Буса Белояра. Чтобы остановить хаос, героям предстоит сделать выбор: предупредить Буса о его судьбе, навсегда изменив историю, или сохранить ход времени, обрекая правду на забвение. Пришло время узнать, какая правда окажется сильнее.

ISBN 978-5-00-692518-2

© Владимирова В.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ: НИТЬ СУДЬБЫ	6
ГЛАВА 1. ЗАБЫТЫЙ ПУТЬ	8
ГЛАВА 2. ГОЛОС ПРОШЛОГО	11
ГЛАВА 3. ПЕРЕСЕЧЕНИЕ СУДЕБ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Правда антов

Книга 1: Пряслице Макоши

Василина Владимирова

© Василина Владимирова, 2026

ISBN 978-5-0069-2518-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0069-2519-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ: НИТЬ СУДЬБЫ

В те времена, когда земли северных славян еще не знали звона христианских колоколов, а в дремучих борах водились духи старше человеческой памяти, жило здесь племя вятичей. Они селились по берегам быстрых рек, возводили частоколы вокруг своих весей и чтили богов, чьи имена передавались от отца к сыну вместе с секретами кузнечного дела и премудростями земледелия. И настигла вятичей лихая година и решили они просить совета и помощи у богов.

Весенняя ночь накрыла северные земли тяжёлым покрывалом тумана. Между древними соснами, где не ступала нога непосвящённого, располагалось капище Макоши. Сюда, в урочище Светлый Ключ, где из-под корней священного дуба била родниковая вода, собралось всё племя. Эта ночь была особенной: здесь стояли все жители веси – от грудных младенцев до немощных стариков, которых поддерживали крепкие руки сыновей.

Семь больших валунов, принесенных еще дедами с берега Студеного моря, образовывали правильный круг. В центре возвышался камень с круглым отверстием, подобным пряслицу для веретена. Это было священное пряслице Макоши, великой Прядильщицы судеб, той, что ткёт полотно человеческих жизней на Небесной Прялке. Рядом с камнем бушевал Ясный Огонь, его яркое пламя взмывало ввысь, освещая лица собравшихся и вырезая из темноты силуэты их фигур.

Воздух был густым от дыма, пропитанным ароматом хвои и сладкой горечью жертвенных трав: полыни, чернобыльника, купальницы. В этом дыму чудились неясные силуэты, словно сами предки пришли, чтобы стать свидетелями великого обряда.

В центре круга стоял Сый (Вечный) старейший хранитель древней мудрости – волхв. Его широкий плащ был шит из медвежьей шкуры, добытой им самим в поединке с лесным владыкой. Лицо скрывала берестяная маска, вырезанная в виде черепа, а в темных провалах её глазниц таились глаза, полные мудрости и скорби веков. Взгляд волхва был почти осязаемым, и каждый, кто стоял у ритуального круга, чувствовал этот взгляд на себе.

На алтарном камне, в выдолбленной каменной чаше покоилось зеркало родниковой воды, отражавшее пляшущие языки пламени. Вокруг лежали дары Макоши: ручные прялки, украшенные резьбой, мотки льняной пряжи, белой как первый снег, глиняные фигурки домашних животных, колосья ржи, каравай хлеба, испеченный без соли, большая чаша медового кваса. Все то, что питает и поддерживает человеческую жизнь, все плоды честных трудов лежали перед ликом великой богини.

Сый склонился над священным камнем, острым костяным ножом, вырезанным из бедренной кости тура, выводя древние знаки: спираль вечности, символизирующую бесконечный круговорот времен, елочку Макоши, означающую древо жизни, волнистые линии людских судеб, переплетающихся в причудливом узоре. Завершив письмена, он обратился к огню и взял моток беленого льна, обвитый красной нитью.

«Макошь Рожаница, пресветлая мать богов и плетельщица судеб людских!» возгласил волхв, соединяя в своем голосе кротость молитвы с грозной силой заклинания. «Прими жертву племени нашего! Пусть нить судьбы будет связана светлой рукой твоей! Сохрани детей наших от мора и глада, от меча вражьего и от забвения отцовского!»

Волхв легко разорвал моток надвое и бросил льняные нити в костер. Пламя взметнулось к звездам, горячий поток воздуха подхватил пряди, но вместо того чтобы сжечь их, неведомая сила отбросила нити прочь от огня. Люди затаили дыхание. Жертва была отвергнута, а это являлось предзнаменованием великой беды, грядущих перемен и испытаний.

Но Ясный Огонь продолжал пылать, и в непроглядной ночной тьме, в треске углей и полете искр прозвучали слова, идущие из самых глубин мироздания:

«Все в мире обречено на перемены! Время пришло, когда древней судьбе суждено быть развязанной! Но я оставляю свою тропу для того, кто готов и сможет пройти по ней до конца и начать новый круг времен!»

Волхв узнал голос, хотя никогда прежде не слышал его. Это говорил сам Чернобог – дитя тьмы, владыка тайны, провозвестник перемен, властитель колдовства и таинства смерти, справедливый судья и бесстрастный палач. Это он некогда поднял твердь земную из безбрежных первобытных вод, это он устанавливает справедливость в мире, карая злых и награждая праведных. Значит, светлая Макошь не оставила своих детей, а возложила бремя их защиты на темного брата своего.

Огонь внезапно погас, словно невидимая божественная ладонь накрыла пламя. От костра остались лишь тлеющие угли, и среди них лежал небольшой камень, точная копия великого пряслица Макоши, только размером не больше куриного яйца. На его поверхности проступали те же священные знаки, что украшали алтарный камень – они светились изнутри слабым серебристым светом.

Жрец голой рукой, не боясь жара углей, поднял пряслице. Артефакт был теплым, словно живым, по его поверхности пробегали едва заметные вибрации, будто в глубине камня билось чье-то сердце. Сый бережно спрятал священный камень в высеченном углублении алтаря и присыпал его золой из кострища, землей из-под ног, укрыл ветками можжевельника и листьями папоротника, создав надежный тайник.

«Пусть только достойный найдет нить судьбы,» прошептал он, обращаясь к невидимым силам. «Пусть кровь станет ключом к тайне, а не страх людской и не слезы горькие.»

Собравшиеся молча протянули руки к алтарю в древнем жесте единения с богами. В сердце каждого жила надежда, что свет рано или поздно вернется на их земли, что темные времена пройдут, как проходят зимние вьюги.

Волхв отошел от потухшего костра, и его шепот слился со звуками ночного леса, с шорохом листвы и далеким криком совы:

«Макошь светлая и Мара темная, белая пряха и темная сестра, сохраните ныне великую тайну. Пусть мрак откроется лишь тому, кто готов выдержать и боль познания, и дар ответственности.»

Лес словно ожил в ответ на заклинание: ветер подхватил и повторил слова волхва, среди деревьев мелькнули едва заметные силуэты духов предков, которые встали в круг у алтаря, склоняясь над священным камнем в безмолвном благословении.

Уходя с капища, Сый бросил в остывающие угли краюшку хлеба и, глядя на место, где покоилось пряслице, произнес пророчество:

«Придет человек не нашего времени, но нашего рода, тот, чья кровь зазвучит в глубинах камня. Пусть будет даровано ему не только знание веков, но и судьба тех, кто жил до него, и тех, кто будет жить после. Пусть станет он мостом между мирами, хранителем равновесия, той нитью, что свяжет времена воедино.»

На миг весь лес озарился странным светом, идущим не от луны и не от угасшего костра, а из самых недр земли. Каменное пряслице на мгновение вспыхнуло ярким серебряным сиянием, словно приветствуя день, который еще не настал, но должен был прийти спустя многие века, когда старые боги проснутся от долгого сна.

Тьма снова сомкнулась над капищем. Лишь ветер в соснах хранил память о свершенном ритуале, а где-то в вышине небес кружили вороны Чернобога, стерегущие священное место до времени.

ГЛАВА 1. ЗАБЫТЫЙ ПУТЬ

Андрей Жарский ненавидел раннее утро будней. Ненавидел шипение растворимого кофе в пластиковой кружке, съемную квартиру с запахом чужой жизни и работу в московском интернет-издании, которая семь лет назад выдернула его из провинции.

Высокий, широкоплечий, с короткой стрижкой и внимательными серыми глазами, он выглядел скорее, как военный, чем как столичный журналист. Армейская выправка никуда не делась после службы в десантных войсках, а привычка к дисциплине помогала в работе с дедлайнами.

История жила в нем с того дня, когда десятилетний мальчишка впервые держал в руках черепок древней керамики. Это случилось в Старой Рязани, куда отец привез его на каникулы. Николай Иванович работал в областном музее простым смотрителем, но знал о древностях больше иных кандидатов наук. Мать, Галина Петровна, преподавала историю в районной школе.

«Каждый черепок – это письмо от наших предков,» говорила она, показывая сыну фотографии раскопок. «Только читать его надо не глазами, а сердцем.»

В тот первый раз на раскопках Андрей увидел, как из земли появляется фрагмент славянского браслета. Когда ему разрешили поддержать находку, металл показался неожиданно теплым. Мальчик почувствовал странную дрожь, словно время повернуло вспять, и он услышал далекие голоса, ощутил прикосновение рук, которые когда-то носили это украшение.

«У тебя дар,» сказал руководивший раскопками археолог. «Не каждый может так чувствовать прошлое.»

С того дня Андрей проводил каждые каникулы в экспедициях. Он научился различать керамику по форме черепков, датировать находки по стратиграфии, читать культурные слои. В тринадцать лет твердо знал, что станет археологом.

Отец предупреждал: «Наука – это не только романтика, Андрюша. Это еще и политика, и деньги. Не все там чисто.» Он рассказывал, как приходилось замалчивать неудобные находки, переписывать отчеты, увольнять талантливых исследователей за неправильные выводы.

Юношеский максимализм не принимал компромиссов. Андрей поступил на исторический факультет МГУ с твердым намерением изменить российскую археологию. Глотал книги и теории, ощущая себя посвященным в тайны человечества.

Разочарование пришло постепенно. Сначала мелочи: научный руководитель требовал переписать курсовую в угоду собственной теории, потом он стал свидетелем интриг на кафедре из-за грантов. Потом серьезнее: давление застройщиков на экспедиции, фальсификация результатов ради финансирования.

Переломным стал случай с раскопками в Подмосковье на четвертом курсе. Экспедиция обнаружила следы древнего поселения, которое могло изменить представления о дате расселения славян в этом регионе. Но участок уже продали под застройку, а заказчику нужна была справка, что земля «археологически чиста». Научный руководитель без колебаний подписал бумагу.

Когда Андрей попытался протестовать, тот холодно объяснил: «Наука – это не только поиск истины. Это еще и умение жить в реальном мире.»

И вот тут что-то и сломалось у Андрея внутри. Заниматься наукой по указке начальства означало предавать память предков, превращать священное в профанное. Диплом Андрей защитил, но в аспирантуру не пошел. Подался в журналистику.

Московское издание взяло охотно: историк с хорошим образованием был нужен для аналитических материалов. Семь лет спустя он получал приличную зарплату, регулярно помогал

родителям. Но каждое утро, глядя в зеркало, видел человека, который променял призвание на стабильность.

За московские годы Андрей накопил приличную сумму. Деньги откладывал на мечту: поездки в генуэзские архивы, французские библиотеки, к документам о торговле русских князей с итальянскими купцами. Но пока это оставалось мечтой.

Московская жизнь затягивала постепенно, как тряпина. Андрей сдался городскому ритму: подъем в семь, метро, восемь часов за компьютером, обратная дорога в пробках.

Съемная однокомнатная хрущевка на окраине стала временным пристанищем, и это временное растянулось на семь лет. Казенная мебель с распродажи, продавленный диван, громко работающий холодильник.

Работа в «Московских новостях плюс» давала стабильный доход. Редакция размещалась в бизнес-центре на Таганке, коллеги были образованными людьми с учеными степенями, предпочтшими науке более прибыльную деятельность. Непосредственный же начальник, жесткий, но справедливый человек, ждал профессионализма.

Андрей писал аналитические статьи о политике, экономике, социальных проблемах. Выработал четкий подход: проверенные факты, взвешенные выводы. Статьи пользовались спросом, зарплата росла.

Но каждый раз, садясь за материал о бюджетной политике или чем-то подобном, чувствовал внутреннюю пустоту. Писал о настоящем, которое завтра станет вчерашним, вместо изучения прошлого, которое остается вечным.

В свободное время читал археологические журналы, следил за открытиями в Новгороде и Пскове, раскопками в Гнездове. Эти знания не применялись в работе, но поддерживали связь с призванием.

Болезненными были моменты, когда писал о культурных событиях. Интервью с археологами напоминали о том, какой могла быть его жизнь. В глазах собеседников горел огонек, который когда-то был и в его глазах.

По выходным ездил в московские музеи: Исторический, «Коломенское», Зарядье. Бродил как паломник, рассматривал экспонаты из тех мест, где когда-то работал. В изгибе древнего браслета видел движение руки мастера, в орнаменте на горшке отражение мировоззрения народа.

Возвращаясь домой, чувствовал странную смесь удовлетворения и тоски. Прикосновение к настоящему было временным, завтра снова рутина.

***

Ранним апрельским утром Андрей бежал по скверу рядом с домом. Единственная дань здоровому образу жизни, сохранившаяся с университетских времен.

Небольшой сквер среди панельных домов: старые липы, скамейки, детская площадка, неработающий фонтан. По утрам здесь было тихо, только дворник в оранжевом жилете подметал дорожки.

Андрей бежал размеренно, кроссовки ритмично стучали по асфальту. Пробегая мимо детской площадки, вспомнил, как в детстве строил из песка древние городища, лепил керамические сосуды. Мать поощряла: «Учиться понимать прошлое через руки – это правильно, сынок.»

Поворачивая к выходу, заметил первые лучи солнца, что пробивались сквозь ветви лип. На деревьях проклевывались почки. Весна в Москве приходила неохотно, не как в провинции, где она преображала мир как полноправная хозяйка.

Замедляя шаг у подъезда, подумал о парадоксе своей жизни. Внешне успех: работа, доход, уважение коллег. Родители гордились, друзья завидовали. Но внутри чувствовал себя как заброшенный фонтан в сквере когда-то полной жизни, теперь пустой.

Посмотрел на часы. Время размышлений кончилось, начиналась московская суета. Впереди душ, кофе, метро. Еще один день человека, который мечтал менять мир.

Но где-то теплилась надежда. Может, сегодня произойдет что-то неожиданное. Может, жизнь подарит шанс, которого он ждал.

Поднимаясь по ступенькам, Андрей не знал, что этот обычный апрельский день станет началом удивительного приключения. Что вечером он встретит человека, который предложит то, о чём он мечтал. Что судьба готовит встречу с прошлым.

А пока он просто открыл дверь квартиры и шагнул навстречу рабочему дню – тому самому, что спустя несколько часов заставит его сердце забиться в такт древним напевам.

ГЛАВА 2. ГОЛОС ПРОШЛОГО

В деревне Женя встречала каждое утро одинаково: с чашкой крепкого чая и планшетом, заполненным записями местных напевов. В шесть утра под окнами клуба проносились машины – местные спешили на работу в город. Затем появлялись пенсионеры, которые с подозрением поглядывали на окна: «Подозрительно, городские-то чего ищут?» Женя знала, что недоверие скоро растворится в буднях, как происходило в каждой деревне.

Евгения Александровна Морозова пришла в фольклористику не случайно. Среднего роста, со светлыми волосами, собранными в небрежный пучок, и внимательными карими глазами, она выглядела именно так, как представляют себе исследователя народной культуры. Простая одежда, удобная обувь, единственное украшение – бабушкино серебряное кольцо. Но главное было не во внешности, а в том особом даре, который передавался в их семье из поколения в поколение.

Прабабушка Устинья Григорьевна слыла в селе Калачиха лучшей сказительницей на всю округу – знала былин больше, чем дней в году, и каждую рассказывала так, будто сама участвовала в тех событиях. Дедушка Александр Устинович в послевоенные годы собирал фольклор по Архангельской губернии, записывал былины и духовные стихи. В его дневниках были не только тексты, но и описания быта, обычаев, верований северных крестьян.

– Фольклор – это не музейная редкость, внученька, – говорил он маленькой Жене. – Это живая память народа. В каждой песне закодирована мудрость веков.

Бабушка Клавдия Семёновна помнила обрядовые песни, заговоры, приметы. От неё Женя узнала, что фольклор – это не только красивые слова, но и практическая магия, способ взаимодействия с миром. А мать, этномузыколог, научила её слушать не только текст, но и тишину между словами.

В детстве Женя не понимала, насколько необычной была её семья. Только в школе осознала: одноклассники живут в мире, где народная культура кажется архаикой. А для неё – это воздух.

Переломный момент наступил, когда двенадцатилетняя Женя услышала запись былины «О Волхе Селяниновиче» в исполнении архангельского сказителя Рябинина. Голос был настолько напевен и убедителен, что девочка почувствовала, как останавливается время. Это была не просто песня о древнем богатыре, а живой голос прошлого, обращающийся к ней лично.

«Ты слышишь?» спросила мать, заметив, как изменилось лицо дочери. «Это зов крови. Наш род всегда умел слышать голоса предков. У тебя этот дар есть.»

С того дня Женя не сомневалась в выборе профессии. Поступила на филологический факультет МГУ, защитила диплом по мифологическим мотивам в волшебных сказках, затем кандидатскую диссертацию о трансформации обрядового фольклора в советский период. А в данный момент Женя была руководителем этнографической экспедиции.

***

По договоренности с сельсоветом университетская экспедиция поселилась в местном Доме досуга – бывшем клубе со скрипучими половицами и подсобными комнатами. Удобства во дворе, горячей воды нет, но есть большой зал для размещения группы и оборудования.

Все спали в спальниках на надувных матрасах. Женя обустроила рабочее место в бывшей костюмерной: стол из козел и доски, складной стул, полки для аппаратуры. Здесь проводила вечера, обрабатывая записи, переводя их в цифровой формат.

Экспедиционная группа была тщательно подобрана. Заместитель Сергей Викторович Ковалев – доцент сорока лет, специалист по инструментальной музыке. В экспедициях незаменим: мог починить аппаратуру, организовать быт, урегулировать конфликты.

«Женя, ты прирожденный полевик,» говорил он. «Но иногда увлекаешься и забываешь о технической стороне.»

Действительно, Женя могла так углубиться в разговор с человеком, что забывала проверить запись или заряд батарей. Сергей Викторович молча следил за деталями, позволяя руководителю сосредоточиться на главном.

В группе работали два аспиранта. Марина Петрова писала диссертацию о свадебной обрядности. Высокая блондинка с аккуратной прической выглядела слишком городской, но быстро адаптировалась. Местные бабушки сначала отнеслись подозрительно – «больно наряжена», но искреннее уважение к их знаниям быстро сменило недоверие симпатией.

Дмитрий Соловьев изучал календарную обрядность. Невысокий, коренастый, с бородой, он обладал талантом располагать к себе мужскую часть населения. Сам заядлый рыбак и охотник, он мог часами беседовать с местными мужиками, незаметно переводя разговор на старинные обычаи.

Студенты третьего-пятого курсов имели свои специализации. Аня Васильева записывала детский фольклор, Петя Кузнецов интересовался быличками и преданиями. Особо выделялась Катя Рыбакова – высокая худая девушка с длинными черными волосами, готовившая диплом о похоронной обрядности. Обладала странной способностью находить самых знающих информантов. Старушки чувствовали в ней родственную душу и охотно рассказывали то, о чем не говорили другим.

Женя внимательно следила за работой каждого участника. Проводила ежедневные планерки, организовывала вечерние обсуждения в большом зале. Студенты делились впечатлениями, рассказывали интересные записи дня. Коллективное осмысление материала помогало лучше понять его значение.

«Здесь дети знают игры, которые не встречались нигде больше,» замечала Аня. «Как будто сохранились только в этой деревне.»

«А местные былички имеют особый колорит,» добавлял Петя. «Часто упоминаются древние места, старые урочища.»

Женя поощряла такие наблюдения. Молодые исследователи часто замечали детали, ускользавшие от опытных коллег.

Отношения в группе были дружескими, но дисциплинированными. Женя сочетала демократичность с требовательностью, никогда не повышала голос, но при необходимости проводила индивидуальные беседы.

Быт организовывался по принципам взаимопомощи. Готовили по очереди, убирались вместе, оборудование переносили сообща. Женя подавала пример, не чуралась никакой работы.

Особую роль играли вечерние чаепития. После ужина группа собиралась вокруг самовара из местного музея. За чаем с вареньем обсуждались не только рабочие вопросы. Женя рассказывала о предыдущих экспедициях, Сергей Викторович делился историями из археологических поездок, студенты говорили о планах.

Местные жители постепенно привыкли к присутствию университетской группы. Сначала относились с подозрением, но Женя терпеливо объясняла значение работы, подчеркивала ценность народной культуры. Недоверие сменилось интересом, затем гордостью.

«Значит, наши дедовские песни в Москве изучают?» удивлялись бабушки. «Значит, они кому-то нужны?»

Женя объясняла, что народная традиция – это сокровище для будущих поколений. Их знания уникальны и бесценны, без них история культуры неполна. Эти слова находили отклик, и жители охотно делились воспоминаниями.

Экспедиция была рассчитана на три месяца с посещением четырех деревень, основанных в XIV – XV веках. Женя планировала собрать полную картину локальной фольклорной тради-

ции. Первые недели показали: материал действительно уникален, многие записанные тексты не имели аналогов в других областях.

***

Сегодня Женя направлялась к Антонине Фёдоровне Ключниковой – главной сказительнице деревни. О ней говорили с особым уважением не только здесь, но и в соседних селах. Местные утверждали, что знания достались ей «от бабки», которая «людей травами да шепотками пользовала».

Дом Антонины Фёдоровны стоял на краю деревни, где улица упиралась в ельник. Крепкая изба старой постройки с резными наличниками, выкрашенными синей краской, традиционными узорами на ставнях и спутниковой тарелкой на фасаде. Во дворе росли яблони, под одной стояла лавочка для вечерних посиделок.

Женя знала: к таким людям нужно подходить деликатно. Антонина Фёдоровна не из тех, кто охотно разговаривает с любым приезжим. Сначала присматривается, изучает, потом решает, стоит ли человек внимания.

На стук в калитку отозвалась женщина лет семидесяти, выглядевшая моложе. Высокая, стройная, седые волосы заплетены в косу и уложены короной. Светло-голубые глаза, казалось, видели насквозь. Домашнее платье темно-синего цвета, вязаный платок поверх.

«Вы, стало быть, из университета?» окинула Женю оценивающим взглядом. «Про старые песни спрашивать пришли?»

«Да, Антонина Фёдоровна. Меня зовут Евгения Александровна. Изучаю народную традицию, и мне сказали, что вы лучше всех знаете старину.»

Старушка помолчала, продолжая изучать гостью. Потом кивнула:

«Ладно, заходите. Чаю попьем, поговорим. Только сразу предупреждаю – не всякому сказываю. Сначала погляжу, какой человек.»

Дом внутри был чистый и уютный. Русская печь с белыми изразцами, лавки с резными спинками вдоль стен. Старые фотографии в рамках, вышитые рушники, иконы в красном углу. На подоконниках герань и фиалки. Круглый стол у окна под нарядной скатертью, старинный комод с современным телевизором.

Антонина Фёдоровна провела к столу, включила чайник. Пока заваривался чай, молча рассматривала Женю, и та чувствовала этот взгляд как физическое прикосновение.

«Дед мой сказывал,» начала хозяйка, наливая чай в стаканы с подстаканниками, «есть люди, которые понимают старое слово, а есть которые только слушают. Вы из каких?»

«Надеюсь, из понимающих. Выросла в семье, где народную традицию знали и уважали. Дедушка тоже собирал фольклор, в двадцатые годы.»

Глаза Антонины Фёдоровны потеплели:

«Это хорошо. А то приезжают, записывают чего попало, потом неправду пишут. Думают, народ темный, поверит.»

Она подошла к сундуку, достала потрепанную тетрадь в клеенчатой обложке:

«Вот, гляньте. Моя бабка писала, Анисья звали. Грамоте обучалась при барине, до революции. Записывала всё, что от своей бабки слышала. Говорила: „Не доверяй памяти, внученька. Память обманет, а что написано – то написано“.»

Женя осторожно взяла тетрадь. Страницы исписаны выцветшими чернилами, почерк старательный, округлый. Тексты песен, заговоров, описания обрядов, даже рисунки – схемы хороводов, изображения обрядовых предметов.

«Это бесценно,» прошептала Женя. «Такие записи большая редкость.»

«Бабка не простая была,» продолжала Антонина Фёдоровна. «Говорили, ведьма. Ну да, ведьма. Ведала травы, людей лечила, роды принимала. От порчи избавляла, семьи мирила. Доброта в ней была, не злость.»

Налила еще чаю, придвинула варенье:

«А вы не боитесь такого? Не все ученые люди верят.»

«А вы сами верите?» осторожно спросила Женя.

Старушка усмехнулась:

«Как не верить, коли своими глазами видела? Заболел у нас мальчишка, Сенька Козлов. Врачи руками развели – ничего сделать не можем. А бабка посмотрела и говорит: „Это не болезнь, это порча. Кто-то сглазил“. Три дня лечила заговорами да травами – как рукой сняло.»

Женя слушала, затаив дыхание. В семейных рассказах слышала подобное, но здесь, в доме, пропитанном духом старины, слова звучали особенно убедительно.

«В наших краях места особые,» продолжала Антонина Фёдоровна. «Силы разные водятся. За лесом есть урочище, Ключи называется. Родник бьет студеной. Говорят, кто с чистым сердцем воды попьет – здоровье получит. А кто с дурными мыслями – заболит пуще.»

«А вы там бывали?»

«Как не бывать? В детстве мать водила, воды святой набрать. Место красивое, тихое. Только странное что-то есть. Время по-другому течет. Придешь на часок, а домой возвращаешься – уж вечер.»

Женя почувствовала учащение сердцебиения. Подобные рассказы встречались в фольклоре многих народов, но здесь звучали не как сказка, а как живое свидетельство.

«А что там можно увидеть?»

«Разное. Кто предков встречает, кто будущее видит. А кто и страшное что. Не зря старые люди детей не пускали. „Подрастешь, сама поймешь, куда можно ходить, а куда нет“.»

Разговор прервал телефонный звонок. Женя вздрогнула – в атмосфере старинного дома современные звуки казались резкими, инородными. Антонина Фёдоровна извинилась, пошла отвечать.

Оставшись одна, Женя осмотрелась внимательнее. В углу рядом с иконами стояли предметы, которых раньше не замечала. Деревянная фигурка, явно старая. Связка засушенных трав. Камень необычной формы с выбитыми знаками.

«Это обереги,» сказала вернувшаяся хозяйка, заметив направление взгляда. «От бабки остались. Говорила, дом защищают от дурного глаза и злых сил.»

«А знаки на камне что означают?»

Антонина Фёдоровна подошла ближе, взяла камень:

«Очень старое. Бабка находила на том урочище, про которое рассказывала. Говорила, знаки от древних людей остались, что до нас здесь жили. Богам молились, жертвы приносили.»

Женя попросила разрешения сфотографировать камень. Наводя объектив, ей показалось, что знаки на мгновение зашевелились. Моргнула, посмотрела снова – всё обычно.

«Чудится,» пробормотала.

«А может, не чудится,» мягко сказала Антонина Фёдоровна. «У вас глаза особые. Видящие. Не каждому дано.»

***

Вернувшись в клуб, Женя долго не могла успокоиться. Разговор с Антониной Фёдоровной произвел сильное впечатление. Прослушивала записи, рассматривала фотографии камня с загадочными знаками.

В исполнении Антонины Фёдоровны былины звучали так, как Женя слышала только однажды – в детстве, в далеком детстве. Голос был напевен, глубок, убедителен, но в нем звучало что-то еще – древняя мудрость, знание тайн, которые не записывают в учебники.

Сергей Викторович, просматривая записи, заметил:

«Интересная информантка. Но не слишком ли много внимания мистической стороне? Мы ученые, а не охотники за привидениями.»

Женя задумалась. Действительно, её всё больше привлекали не столько тексты фольклорных произведений, сколько рассказы о необычных явлениях местной традиции. Но разве это не часть живой культуры, которую она изучала?

Вечером звонила научному руководителю, попросила продлить работу в деревне:

«Елена Борисовна, здесь уникальный материал. Такой концентрации архаических элементов ещё не встречала. Нужно время, чтобы всё записать.»

«Хорошо, Женя. Но не увлекайтесь. Помните, что пишете научную работу, а не роман о таинственном.»

Но Женя уже чувствовала, что граница между наукой и тайной в этих местах очень тонка. И что её ждут открытия, не укладывающиеся в рамки обычного академического исследования.

ГЛАВА 3. ПЕРЕСЕЧЕНИЕ СУДЕБ

Апрельское утро встретило Андрея привычной московской суетой. После пробежки в сквере, душа и поспешного завтрака он ехал в метро, предчувствуя очередной рабочий день в редакции. Монитор, новостная лента, кофе в пластиковом стаканчике – отлаженный ритм столичной жизни.

Щелкая мышью по заголовкам, Андрей невольно вспоминал былую страсть к археологии. Настоящая история начиналась не с экрана компьютера, а с лопаты и кисточки, с запаха сырой земли и трепета прикосновения к прошлому. В памяти всплывали раскопки школьных и студенческих лет – остатки древнего капища, где в воздухе стыл шепот веков, где каждый камень был напитан силой предков.

Размышления прервал голос главного редактора:

– Жарский, у тебя задание. В Главном храме Вооруженных сил сегодня концерт духовной музыки. Тема патриотическая, военная и историческая – как раз твоя специализация. Нужен качественный, обстоятельный материал, с атмосферой и деталями.

Андрей согласно кивнул. Он не раз бывал в этом храме, так что место было ему знакомо. Оно производило сильное впечатление, но почему-то всегда оставляло странное ощущение недосказанности.

– К полудню будь на месте. И не забудь фотографии – читатели любят картинки.

В это же утро в деревне, расположенной трех часах езды от Москвы, Женя наблюдала привычную сельскую суету. Под окнами Дома досуга проносились машины – это местные жители спешили на работу в город. В самой деревне, увы, таковой не наблюдалось. Затем появлялись пенсионеры, с любопытством поглядывавшие на окна: «Что это городские все шныряют?»

Экспедиция шла по плану. Вчерашний разговор с Антониной Федоровной дал богатый материал – записи уникальных былин, описания старинных обрядов, рассказы о загадочных местах силы. Женя готовилась к новому дню полевой работы, проверяя заряд диктофона и просматривая список вопросов.

Планы нарушил звонок научного руководителя.

«Женя, тебе срочно нужно быть в Москве. Сегодня проводят конференцию по фольклору – участие обязательное. И еще одно дело: в Главном храме концерт, там будут важные люди из министерства. Нам нужно присутствие.»

«Елена Борисовна, но у меня экспедиция! Сейчас самый продуктивный период, информанты расположились...»

«Это приказ, а не просьба. Оставляешь Сергея Викторовича за главного и приезжаешь, а к ночи вернешься в свою деревню.»

Женя с досадой отложила телефон. Академическая суета вновь вмешивалась в настоящую работу, но тема конференции была созвучна теме докторской диссертации, которую она писала третий год. А против концерта духовной музыки она совершенно ничего не имела, напротив, считала такое стечение обстоятельств удачей.

***

Андрей прибыл к храму заранее – хотелось не просто осмотреться, а впитать тишину этого места, пока оно ещё не наполнилось голосами и шагами.

Главный храм Вооружённых Сил стоял на холме, как будто вырос из самой земли, пропитанной памятью. Его стены, облицованные малахитом и бронзой, не блестели – они держали свет внутри, как древние щиты, что веками принимали удары, но не сломались. Купол, округлый и строгий, напоминал шлем богатыря, опущенный над Русью в час испытания.

Сам храм – не монумент, а живой воин: плечистый, непоколебимый, с каменным дыханием в груди и взглядом, устремлённым сквозь века.

Всё здесь было продумано до мелочи: девяносто пять метров высоты – по числу лет, прошедших с Победы; диаметр купола – 19,45 метра, будто сама история вписала в камень свою дату. Но эти цифры не кричали – они шептали. Их чувствовал не ум, а тело: лёгкое замедление шага, напряжение в груди, странная ясность в голове.

Барельефы на фасаде не украшали – они свидетельствовали. Ордена, вырезанные в бронзе, не блестели, а хранили тепло тех, кто их носил. Панно с битвами не рассказывали историю – они её держали на весу, как свечу над могилой.

Здесь не было пафоса. Было достоинство. Тяжёлое, сдержанное, как молчание ветерана перед портретом погибшего друга.

Особое впечатление производила «Дорога памяти» – галерея мраморных плит с золотыми именами павших. Герои разных эпох, от советских солдат до участников современных конфликтов, были объединены общей судьбой служения Родине.

Здесь невозможно было торопиться. Земля, пропитанная дыханием войн и памятью поколений, требовала размеренного шага, тихой речи, глубоких размышлений. Воздух был насыщен особой торжественностью, которая заставляла думать о вечном.

Андрей чувствовал в этом месте зов крови – связь, передающуюся через века от предков-защитников. Но было и странное ощущение: путь к храму наполнен мощной энергией поколений, однако у самого порога этот поток словно истончался, превращаясь в едва заметный ручеек.

Ему вспомнилось древнее капище, на раскопках которого он работал еще будучи школьником. Там от разрушенных временем валунов исходила такая сила, что казалось – стоишь под куполом невидимого собора, где тени предков дарят благословение. Здесь же складывалось впечатление, что современная архитектура не могла в полной мере вместить всю мощь исторической памяти, и часть этой силы рассеивалась в пространстве, ожидая того, кто сумеет ее воспринять.

***

Женя добралась до храма прямо с конференции, боясь опоздать на концерт. Торопливо поднимаясь по ступеням, она случайно задела плечом мужчину с фотоаппаратом.

«Извините!» – автоматически обернулась и застыла от неожиданности.

«Андрей? Жарский?»

«Женя! Не может быть!» Андрей отложил камеру и широко улыбнулся. «Сколько лет, сколько зим!»

Они были знакомы ещё с первого курса университета, а после окончания виделись редко – хотя и созванивались, и переписывались в социальных сетях.

По мнению Жени, Андрей стал выглядеть старше своего возраста: у него появились морщинки у глаз, да и в целом он, как говорится, возмужал. Но взгляд остался прежним – внимательным, ищущим.

Женя понимала, что и сама изменилась и не только внешне. Она стала собраннее, увереннее; в ней чувствовался опыт полевой работы.

«Что ты здесь делаешь?» – спросила Женя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.